

Литературное наследие

Федерико Гарсиа Лорка

К 30-летию со дня смерти

Перевод с испанского и вступление А. ГЕЛЕСКУЛА

Со дня гибели Федерико Гарсиа Лорки прошло тридцать лет; он прожил немногим больше. Странно сознавать, что сейчас он мог бы жить и писать. Фашистский мятеж застал Лорку в Андалусии; в ночь на 19 августа полупьяные фалангисты вывезли его из Гранады и где-то на дороге прикончили выстрелом в лицо.

Как художник Лорка сродни таким загадочным мастерам испанской культуры, как Гойя, Гонгора или Эль Греко: у него нет ни прямых предшественников, ни последователей, и в испанской литературе он был и, вероятно, останется поэтом неповторимым и потому одиноким. Но в его необычной и независимой поэзии современность прозвучала так отчетливо, как, может быть, ни у кого из испанцев. На всем творчестве Лорки лежит багряный отблеск его времени — времени революционного обновления, и в его ритмах, красках, даже в самых отвлеченных его образах дышит молодость века. В этом исток его смелой, чистой и тревожной поэзии. С годами становится все отчетливее, что творчество Лорки было не литературной вехой, а составной частью новой Испании, ее поэтической аналогией.

Вероятно, «совершить переворот в поэзии» в основе своей означает снова вернуть ее от литературы к первоистокам — к человеку и человеческому голосу. Литературность и как следствие — риторика, наследие девятнадцатого века, были застарелой болезнью испанской поэзии. Гарсиа Лорка вернул ей дыхание народной речи. Описательному рационализму он противопоставил формы лаконичные и увлекательные, как импровизации народных виртуозов, философской претенциозности — вдохновение, во всей полноте этого слова, по-испански, как и по-русски, родственного словам «дыхание» и «душа». Языческая поэзия Лорки заглушила в литературе унылое эхо католицизма, а его театр, не отделимый от его поэзии, ярко и властно утвердил жизнь как высшее начало. Таков был неполный список «преступлений» Гарсиа Лорки, решивших его судьбу.

Вместе с Лоркой погибли и многие его произведения: не увидели света «Сонеты сумрачной любви», которыми восхищались современники, и, вероятно, другие стихи и наброски пьес. Ряд произведений — пьеса «Так пройдет пять лет», газеллы, касыды (некоторые из них публикуются ниже) и отдельные разрозненные стихи были посмертно изданы в Латинской Америке. Они прозвучали как реквием.

Почти во всех последних вещах Лорки сквозит предчувствие смерти. Сама эта тема для него традиционна: испанская поэзия — поэзия стоическая — привыкла смотреть на смерть в упор и говорить о ней без обиняков. Поражает другое. В поэзии Лорка редко выступает от первого лица; творчество было не только смыслом, но и содержанием его жизни, и кажется, что красота и трагизм окружающего мира мешали ему, влюбленному в этот мир, видеть самого себя. Поэтому отголоски личной судьбы не звучат в его поэзии. И единственное, сказанное Лоркой от своего имени, — это стихи о смерти.

Та ясность, с которой поэты провидят свой конец, кажется необъяснимой, если забыть, что большая поэзия — это героизм и что большие поэты сами выбирают путь и на этом пути не отступают. И не случайны слова, сказанные Гарсиа Лоркой незадолго до гибели: «В мире борются уже не человеческие, а стихийные силы. Передо мной итог этой борьбы: на одной чаше весов мои страдания и моя жертва, на другой — справедливость для всех, со всей тревожностью перехода к будущему, которое уже присутствует, но еще не узнается, — и я с силой опускаю кулак на эту последнюю чашу».

■ ■ ■

В затонах песен
любовь витает.

А время льется
рекой великой.
И вечны звезды —
затоны тайны.

И тихи вздохи —
затоны крика.

Дерево песен

Все дрожит еще голос,
одинокая ветка,
от минувшего горя
и вчерашнего ветра.

Вышла девушка в поле,
и вздыхала, и пела —
и ловила ту ветку,
но поймать не успела.

Ах, луна на ущербе!
А поймать не успела.
Сотни серых соцветий
оплели ее тело.

И сама она стала,
как певучая ветка,
дрожью давнего горя
и вчерашнего ветра.

Ноктюрн

В окно постучала полночь,
и стук ее был беззвучен.

На смуглой руке блестели
браслеты речных излучин.

Душа моя, став рекою,
играла под звездной кровлей.

А время на циферблатах
уже истекало кровью.

■ ■ ■

Август.
Персики и цукаты
и в медовой росе покос.
Входит солнце в янтарь заката,
словно косточка в абрикос.

И смеется тайком початок
смехом желтым, как летний зной.

Снова август.
И детям сладок
смуглый хлеб со спелой луной.

Касыда о темной смерти

Хочу уснуть я сном осенних яблок
и ускользнуть от сутолоки кладбищ.
Хочу уснуть я сном того ребенка,
что все мечтал забросить сердце в море.

Хочу забыть, что кровь томится
в мертвых,
что просят пить истлевшие их губы.
Хочу не знать, как сердце травы
ранят
и пьет луна змеинными губами.

Хочу уснуть неожиданно,
уснуть на миг, на время, на
столетья,
но чтобы знали все, что я не умер,
что золотые ясли — эти губы,
что я товарищ Западного ветра,
что я большая тень моей слезинки.

Вы на заре лицо мое закройте,
чтоб муравьи мне глаз не застилали.
Сырой водой подошвы мне смочите,
чтоб соскользнуло жало скорпиона.

Ибо хочу уснуть я — но сном
осенних яблок —
и научиться плачу, который землю
смочит.
Ибо хочу остаться я в том ребенке
смутном,
который вырвать сердце хотел в
открытом море.

Касыда о недостижимой руке

Я прошу всего только руку,
если можно, раненую руку.
Я прошу всего только руку,
пусть вовек не ведать мне могилы.

Только б алебастровый тот ирис,
горлицу, прикованную к сердцу,
часового, что луну слепую
в ночь мою последнюю не пустит.

Я прошу одну эту руку,
что меня обмоет и обрядит.
Я прошу одну эту руку,
белое крыло моей смерти.

Все иное в мире — проходит.
Млечный след и отблеск
безымянный.
Все — иное; только ветер плачет
над последней стаей листопада.

Безнадежная песня

Сливаются реки,
свиваются травы.

А я
развеян ветрами.

Войдет Благовещение
в дом к обрученным.
и девушки встанут утрами —
и вышьют сердца свои
шелком зеленым.

А я
развеян ветрами.

■ ■ ■

Песня,
которой не спеть,
спит на губах моих грустно.
Песня,
которой не спеть.

Где-то в саду захолустном
первый светляк золотится;
в речке луна струится,
как золотая сеть.

И песня тогда мне снится,
которую мне
не спеть.

Песня задумчивых губ
и затуманенной влаги.

Песня забытых минут,
что заблудились во мраке.

Песня звезды кочевой
над незакатной зарей.